

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2025.0205>
УДК/UDC 159.9

■ Мотивационная структура временной перспективы участников боевых действий

В.Б. Никишина, Е.А. Петраш , Н.Ю. Юнина-Пакулова

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (Пироговский университет), Москва, Российская Федерация

 petrash@mail.ru

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Стрессовое воздействие способно изменить взгляды человека на свое прошлое, настоящее и будущее. Изучение мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий позволит определить, какое именно мотивационное содержание обеспечивает сужение временной перспективы как в хронологической протяженности, так и в событийной наполненности и, как следствие, определить мишени психологического воздействия.

Цель. Целью исследования является изучение мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий.

Выборка. В исследовании приняли участие 98 мужчин ($M_{\text{возраст}} = 31,6$ года; $SD = 6,87$), имеющих опыт участия в боевых действиях.

Методы. Исследование осуществлялось с использованием следующих методик: Краткая шкала оценки психического статуса MMSE (Mini-Mental State Examination); Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный вариант), методика событийной реконструкции временной перспективы личности В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш, методика выявления склонности к суицидальным реакциям (СР-45) П.И. Юнацкевича, метод мотивационной индукции Ж. Нюттена.

Результаты. В результате установлено, что временная перспектива участников боевых действий трансформируется как в направлении хронологического сужения, так и в направлении содержания. Хронологическое сужение характеризуется преобладанием длительности прошлого при сокращении хронологического настоящего (до двух недель) и хронологического будущего (до 6 месяцев). Установлено отсутствие факторной направленности временной перспективы будущего. При хронологической протяженности будущего до полугода в качестве репрезентативного мотивационного содержания участники боевых действий отмечают идеализированные мотивационные символы, характеризующие трансцендентные темы («мирное небо над головой», «спокойствие», «намерение изменить собственную жизнь», «быть счастливым», «просто жить»), а также отдых и созидательную активность («уехать домой», «поехать на дачу», «подняться на Эльбрус», «вернуться к семье»).

Выводы. Мотивационная структура временной перспективы участников боевых действий с проявлениями ПТСР на уровне когнитивной репрезентации характеризуется преобладанием мотивационных объектов абстрактно-трансцендентного содержания, которые не имеют конкретной временной локализации и нечетко локализируются в периоде предстоящей жизни. Парадоксально, но при существенно ограниченной хронологической протяженности настоящего и будущего мотивационное содержание локализовано в периоде предстоящей жизни без конкретизации.

Ключевые слова: временная перспектива, опыт участия в боевых действиях, когнитивная репрезентация, мотивационная структура, психотравмирующее воздействие

Для цитирования: Никишина, В.Б., Петраш, Е.А., Юнина-Пакулова, Н.Ю. (2025). Мотивационная структура временной перспективы участников боевых действий. *Национальный психологический журнал*, 20(2), 67–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0205>

Motivational Structure of the Time Perspective of Combatants

Vera B. Nikishina, Ekaterina A. Petrash , Natalya Yu. Unina-Pakulova

Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russian Federation

 petrash@mail.ru

ABSTRACT

Background. Stress can change a person's views on their past, present and future. Studying the motivational structure of the time perspective of combatants will help determine what motivational content ensures the narrowing of the time perspective both in chronological duration and in eventfulness and, as a result, determine the targets of psychological impact.

Objectives. The purpose of the study is to assess the motivational structure of the time perspective of combatants.

Study Participants. The study involved 98 men (31.6 ± 6.87 years old) with combat experience.

Methods. The study engaged the following methods: MMSE (Mini-Mental State Examination), Mississippi Posttraumatic Stress Scale (Military Version), the technique of event reconstruction of a person's temporal perspective (Nikishina V.B., Petrash E.A.), the technique of identifying suicidal reactions (SR-45) by P.I. Yunatskevich, the Method of Motivational Induction by J. Nutten.

Results. As a result, it has been established that the time perspective of the participants in the hostilities is transformed both in the direction of chronological narrowing and in the direction of content. Chronological narrowing is characterized by the predominance of the duration of the past while reducing the chronological present (up to two weeks) and the chronological future (up to 6 months). The absence of a vector orientation of the time perspective with a focus on the future has been established. With a chronological extension of the future of up to six months, combatants note idealized motivational symbols that characterize transcendental themes ("peaceful sky above your head," "calm," "intention to change your own life," "to be happy," "just to live"), as well as rest and creative activity ("go home," "go to the dacha," "climb Elbrus," "return to family") as representative motivational content.

Conclusions. The motivational structure of the time perspective of combatants with manifestations of PTSD at the level of cognitive representation is characterized by the predominance of motivational objects of abstract-transcendental content, which do not have a specific time localization and are not clearly localized in the period of the future life. Paradoxically, with a significantly limited chronological extent of the present and future, the motivational content is localized in the period of the future life without specification.

Keywords: time perspective, combat experience, cognitive representation, motivational structure, psychotraumatic impact

For citation: Nikishina, V.B., Petrash, E.A., Unina-Pakulova, N.Yu. (2025). Motivational structure of the time perspective of combatants. *National Psychological Journal*, 20(2), 67–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0205>

ВВЕДЕНИЕ

В современных научных исследованиях психологического времени и временной перспективы можно выделить четыре основных теоретических подхода: причинно-целевая концепция психологического времени (Cottle, 1977; Головаха, Кроник, 2008); типологический подход, разрабатываемый отечественными учеными К.А. Абульхановой (2001), В.И. Ковалевым (1995), В.Ф. Серенковой (1995); теория временной ориентации (Зимбардо, Бойд, 2010); мотивационный подход, представителем которого является Ж. Нюттен (2004). Причинно-целевая концепция психологического времени включает в содержание временной перспективы прошлое, настоящее и будущее, а также отношение к временным интервалам, связь между временными интервалами и событиями и структуру временной перспективы. В качестве интегральной характеристики временной перспективы в рамках данной концепции выступает психологический возраст — реализованность (Cottle, 1977; Головаха, Кроник, 2008). В отечественной психологии в рамках типологического подхода содержание временной перспективы, так же как и в причинно-целевой концепции, включает в себя прошлое, настоящее и будущее, связь между временными интервалами и событиями, но не рассматривается отношение к временным интервалам и

структура временной перспективы. Однако, в качестве интегральных характеристик выделяются своевременность, трансперспектива и сопряженность планов. В рамках данного подхода, с одной стороны, изучается специфика личностного времени людей, исходно разделенных на типы по каким-то иным основаниям; с другой — анализируются разные типы отношения людей ко времени и исследуются возможные взаимосвязи этих типов с личностными особенностями (Абульханова, Березина, 2001; Ковалев, 1995; Серенкова, 1995). В рамках теории временной перспективы Ф. Зимбардо (Зимбардо, Бойд, 2010) в содержание феномена временной перспективы включаются, кроме прошлого, настоящего и будущего, еще и отношение к временным интервалам. Однако не рассматривается связь между временными интервалами и событиями, а также не изучается структура временной перспективы. Интегральной характеристикой данной теории является сбалансированная временная перспектива, включающая в себя пять основных факторов: восприятия прошлого (негативного и позитивного), настоящего (фаталистического и гедонистического) и будущего. В рамках мотивационного подхода Ж. Нюттена (2004) содержание феномена временной перспективы включает: настоящее и будущее, отношение к временным интервалам, связь между временными интервалами и событиями, а также структуру временной перспективы. Основной акцент данного подхода сосредоточен на интенциональности человека (стремлении предвосхищать будущие события или целевые объекты, являющиеся мотивационными и определяющими активность субъекта), и интегральной характеристикой временной перспективы в данном подходе является целостность временной перспективы. Именно данный подход позволяет рассматривать целостную структуру временной перспективы — интенциональную интеграцию мотивационного содержания (мотивационную структуру временной перспективы).

Временная перспектива, характеризующаяся совокупностью причинных и целевых межсобытийных связей прошлого, настоящего и будущего, в условиях длительного психотравмирующего воздействия существенным образом трансформируется (Авдентова, 2023; Зудова, 2024; Руденко, 2023). В связи с этим актуальность исследования мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий обусловлена необходимостью понимания основных направлений протравивания временной перспективы будущего и расширения настоящего. Изучение мотивационной структуры временной перспективы позволит определить, какое именно мотивационное содержание обеспечивает сужение временной перспективы как в хронологической протяженности, так и в событийной наполненности и, как следствие, определить мишени психологического воздействия.

Временная перспектива как психологический феномен характеризуется тремя аспектами изучения психологического времени: в собственном понимании протяженности, глубины, насыщенности, структурированности; в установочном аспекте (временная установка), характеризующем эмоциональную настроенность (положительную или отрицательную) в отношении собственного прошлого, настоящего, будущего; в ориентационном аспекте, характеризующем поведенческую направленность (Нюттен, 2004).

В качестве методологического основания исследования выступают положения когнитивного подхода Ж. Нюттена (2004). Согласно данным положениям, временная перспектива рассматривается как функция репрезентации: в сознании существуют не только объекты, содержащиеся в поле восприятия в текущий момент времени, но и объекты, о которых человек думает периодически, которые так же, как и непосредственно воспринимаемые, определяют активность субъекта. Ж. Нюттен определяет их как мотивационные объекты.

Совокупность событий, каждое из которых характеризуется своим временным знаком (отнесенностью во времени к определенному хронологическому промежутку), составляет содержание временной перспективы. События, обозначаемые в том числе мотивационными объектами, присутствующими как во внешнем, так и во внутреннем плане, характеризуются разной удаленностью в границах прошлого, настоящего и будущего.

Временная перспектива представляет собой функцию составляющих ее мотивационных объектов, определяющих ее глубину (интервалы времени, которые могут быть непосредственно прочувствованы через «проживание последовательности» событий), структуру (количество событий и представляющих их мотивационных объектов, и их взаимосвязи), степень реальности (яркость восприятия объектов субъектом как функция их удаленности во времени), а также содержательные характеристики (Нюттен, 2004). Формирование значений событий (их когнитивных репрезентаций) определяет их мотивирующую функцию (а, следовательно, и направленную активность субъекта) в построении временной перспективы.

Целью исследования является изучение мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий.

ВЫБОРКА

Общий объем исследовательской выборки составил 98 мужчин в возрасте от 22 до 53 лет ($M_{\text{возраст}} = 31,6$ года, $SD = 6,87$), имеющих опыт участия в боевых действиях не менее 6 месяцев, и имеющих минно-взрывные и огнестрельные ранения. Все участники исследования находились на лечении, либо реабилитации в госпитале. Исследование проводилось на условиях добровольного письменного информированного согласия. Критерием включения респондентов в исследование являлся нормативный когнитивный статус, оценка которого осуществлялась с использованием краткой шкалы оценки психического статуса MMSE (Mini-Mental State Examination) (Folstein et al., 1975)¹. В исследовательские группы входили участники с результатом оценки когнитивного статуса, соответствующим 28–30 баллам.

¹ Старческая астеня. Клинические рекомендации. (2020). Министерство здравоохранения Российской Федерации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование осуществлялось последовательно в три этапа (Рисунок 1).

Задачей первого этапа являлась оценка временной перспективы участников боевых действий с использованием опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (Зимбардо, Бойд, 2010). На основании полученных результатов по критерию преобладающего фактора временной перспективы были сформированы четыре исследовательские группы.

Рисунок 1

Дизайн исследования мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий

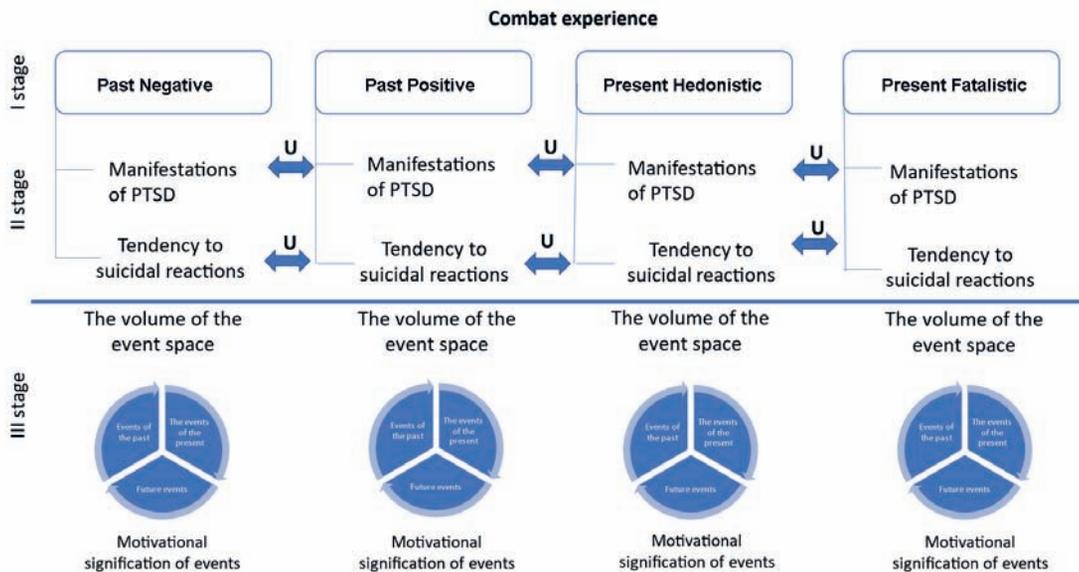

Figure 1

The design scheme in the study of the motivational structure of the time perspective in combatants

В первую исследовательскую группу вошли 22 участника боевых действий с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на негативное прошлое. Во вторую исследовательскую группу вошли 26 участников боевых действий с преобладанием фактора временной перспективы, ориентированного на позитивное прошлое. Третью исследовательскую группу составил 21 участник боевых действий, временная перспектива которых ориентирована на преобладание фактора гедонистического настоящего. Четвертую группу составили участники боевых действий, временная перспектива которых ориентирована на фаталистическое настоящее — 29 человек. Респондентов с преобладанием фактора, ориентированного в будущее, среди участников боевых действий, участвовавших в исследовании, выявлено не было.

На втором этапе исследования осуществлялась оценка эмоционально-поведенческих реакций участников боевых действий в четырех группах, сформированных на предшествующем этапе. А именно: оценивались уровень выраженности проявлений посттравматического стрессового расстройства и склонность к суицидальным реакциям. В качестве методик диагностики указанных проявлений выступали: Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (Mississippi Scale — MS) (Keane et al., 1988) в адаптации Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2001) — военный вариант и методика выявления склонности к суицидальным реакциям (CP-45) П.И. Юнацкевича (Юнацкевич, 1998).

Задачей третьего этапа являлась оценка мотивационно-семантического содержания событийного пространства участников боевых действий в каждой из четырех групп. Решение данной задачи включало в себя последовательную оценку объема событийного пространства временной перспективы респондентов с использованием методики событийной реконструкции временной перспективы личности В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш (Никишина и др., 2015; Никишина, Петраш, 2017), а также построение мотивационной перспективы будущего с использованием метода мотивационной индукции Ж. Нютгена (Нютген, 2004). Стимульный материал методики Ж. Нютгена представляет собой набор из 30 неоконченных предложений, состоящий из положительных (позитивных) и отрицательных (негативных) индукторов. Каждое неоконченное предложение предъявлялось участникам исследования в напечатанной форме на отдельном листе с целью минимизации влияния уже завершённых предложений на последующие. Оценка осуществлялась по двум основным критериям: темпоральному и содержательному. Темпоральный код характеризует отнесенность событий (связанных с мотивационными объектами) к определенному хронологическому промежутку (прошлому, настоящему либо будущему), разделяя на реальное и социальное время. Содержательный код характеризует группировки мотивационных объектов, определяющие мотивационные тенденции — содержательную перспективу. Схема анализа, используемого авторами, приведена на Рисунке 2.

Рисунок 2

Схема содержательного анализа временной перспективы участников боевых действий

Количественная и качественная обработка осуществлялась с использованием методов описательной (показатели средних значений, стандартное отклонение, диаграммы долевого распределения), сравнительной (непараметрический U-критерий Манна — Уитни с соблюдением ограничений в его использовании) и многомерной (факторный анализ с varimax-вращением (p < 0,05) по исследуемым параметрам) статистики.

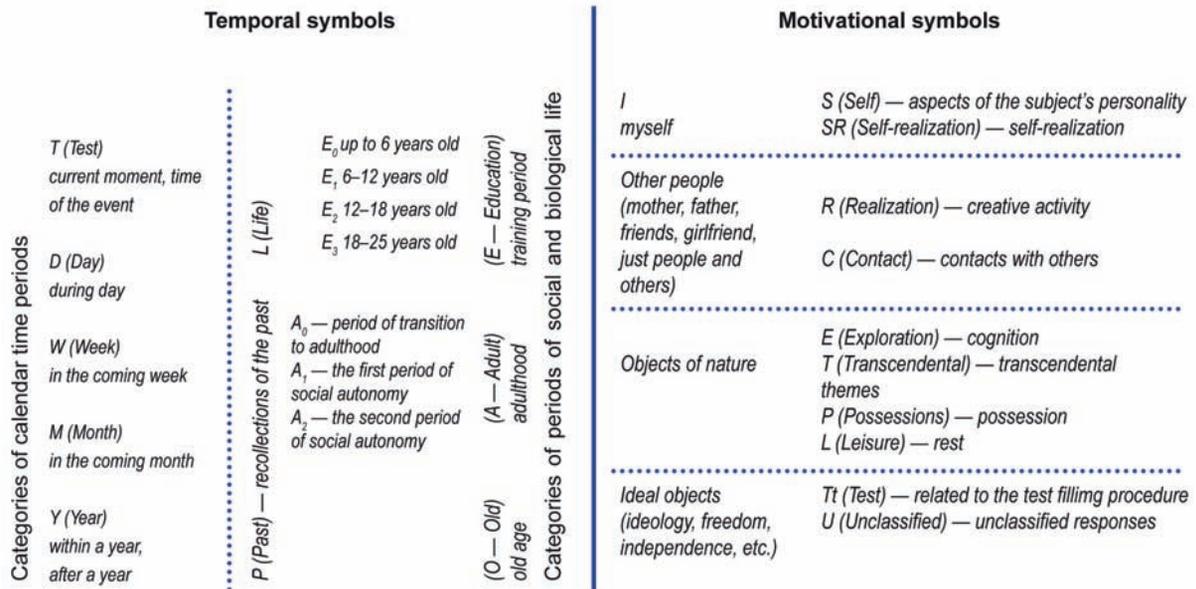

Figure 2

A scheme for a meaningful analysis of the time perspective of hostilities participants

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Максимальная выраженность уровня проявлений посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) выявлена в группе участников боевых действий с преобладающей направленностью фактора временной перспективы на негативное прошлое (Рисунок 3).

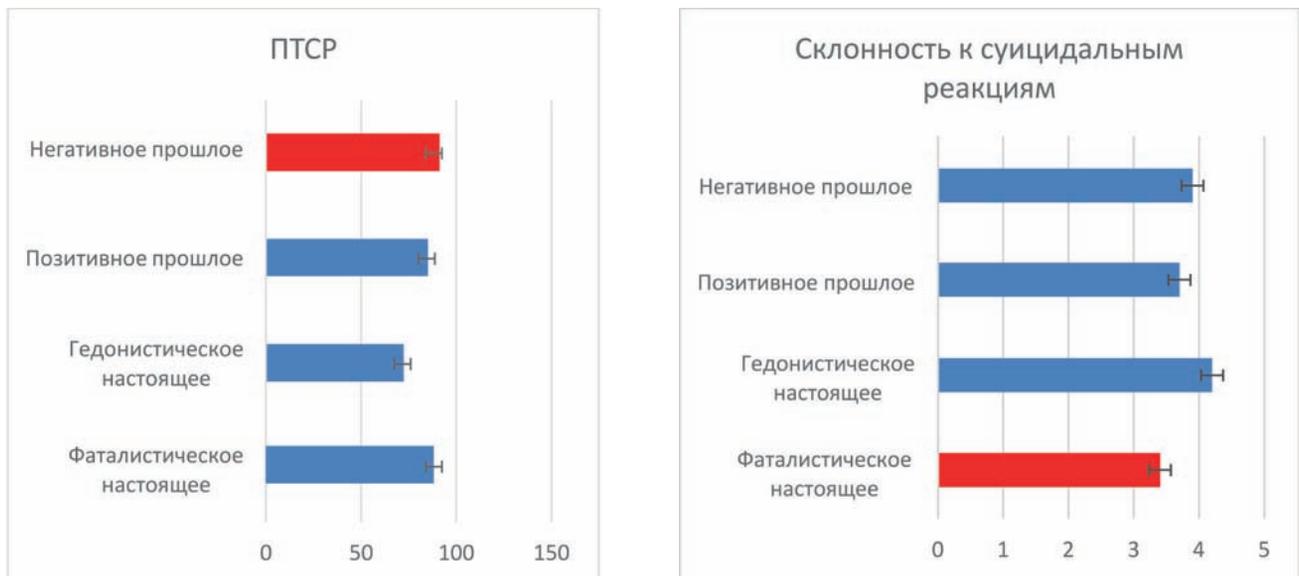

Рисунок 3

Гистограммы средних значений уровня выраженности проявлений эмоционально-поведенческих реакций участников боевых действий с учетом преобладающего фактора временной перспективы

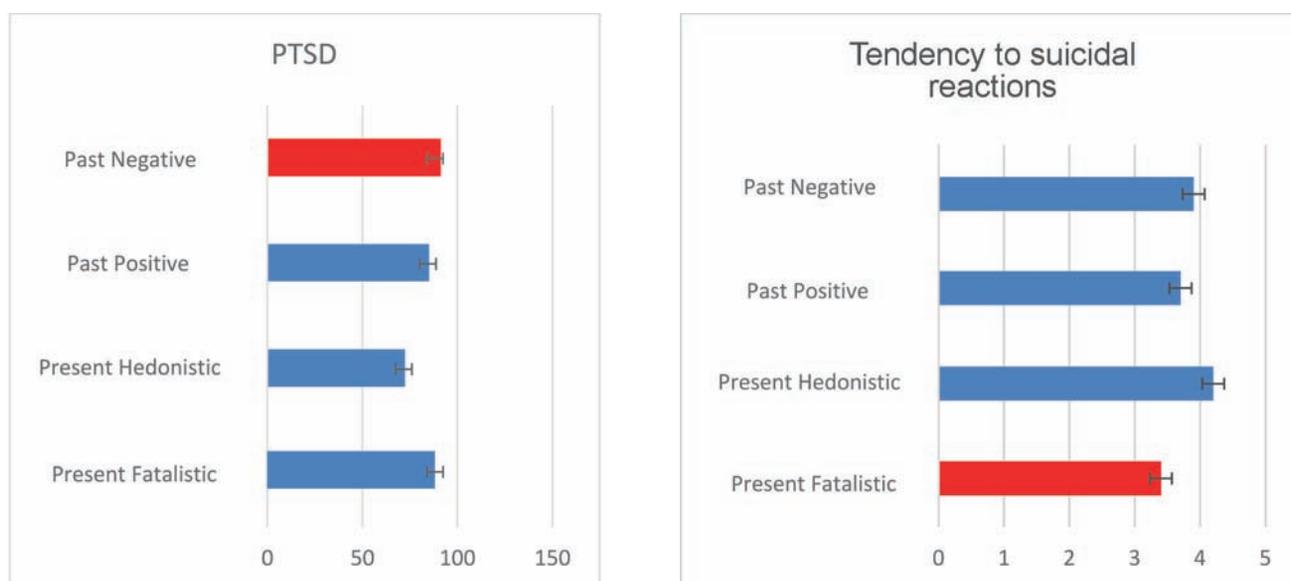

Figure 3

Histograms of the average values for the manifestation level of emotional and behavioral reactions in combatants, taking into account the prevailing vector of the time perspective

Вне зависимости от преобладающего фактора временной перспективы участников боевых действий зафиксирован высокий уровень выраженности проявлений ПТСР, за исключением группы участников боевых действий с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на гедонистическое настоящее. В данной группе уровень выраженности проявлений ПТСР соответствует средним значениям с тенденцией к высокому. При попарном сравнении уровня выраженности ПТСР (с учетом поправки Бонферрони при уровне значимости $p < 0,0085$) получены следующие результаты. Статистически значимые различия в уровне выраженности ПТСР зафиксированы между группой участников боевых действий с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на гедонистическое настоящее, и группами участников боевых действий с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на фаталистическое настоящее ($p = 0,0074$); с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на позитивное прошлое ($p = 0,0071$); с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на негативное прошлое ($p = 0,0077$). Между остальными группами участников боевых действий статистически значимых различий в уровне выраженности ПТСР не выявлено. Полученные результаты свидетельствуют о содержательной взаимосвязи временной перспективы с проявлениями ПТСР: основным содержанием временной перспективы участников боевых действий в негативном прошлом и фаталистическом настоящем являются психотравмирующие события, связанные с участием в боевых действиях.

Максимальная выраженность склонности к суицидальным реакциям выявлена в группе участников боевых действий с преобладанием фактора фаталистического настоящего (учитывая обратный характер шкалы оценки) (Рисунок 3). Средний уровень выраженности склонности к суицидальным реакциям характеризуется высокой вероятностью их возникновения и поведенческой реализации на фоне длительной психической травматизации и при реактивных состояниях психики. В результате сравнительного анализа (методом попарного сравнения с поправкой Бонферрони, $p < 0,0085$) выявлены статистически значимые различия уровня выраженности склонности к суицидальным реакциям между группами участников боевых действий с преобладающими факторами временной перспективы, ориентированными на фаталистическое и гедонистическое настоящее ($p = 0,0078$); между группами участников боевых действий с преобладающими факторами временной перспективы, ориентированными на фаталистическое настоящее и негативное прошлое ($p = 0,0079$). Минимальная выраженность склонности к суицидальному риску выявлена у участников боевых действий с ориентированностью фактора временной перспективы на гедонистическое настоящее. Полученные результаты свидетельствуют о том, что при негативной оценке настоящего (оценивается как фаталистическое) склонность к суицидальным реакциям выше.

Оценка объема событийного пространства участников боевых действий вне зависимости от преобладающего фактора временной перспективы указывает на преобладание событий прошлого в общем объеме событийного пространства времени (Рисунок 4).

Максимальная событийная насыщенность, определяемая как общее совокупное количество событий временной перспективы участников боевых действий, зафиксирована в двух группах: с преобладанием фактора направленности временной перспективы на негативное прошлое и с преобладанием фактора направленности временной перспективы на фаталистическое настоящее. Содержательно, максимальное количество травмирующих событий, ограничивающих

хронологические границы временной перспективы, а также обеспечивающее содержательную наполненность факторной направленности (негативное прошлое и фаталистическое настоящее) связаны с опытом участия в боевых действиях, а также с текущим моментом госпитализации с последствиями минно-взрывных и огнестрельных ранений, в том числе, сопровождающимися ампутацией конечностей.

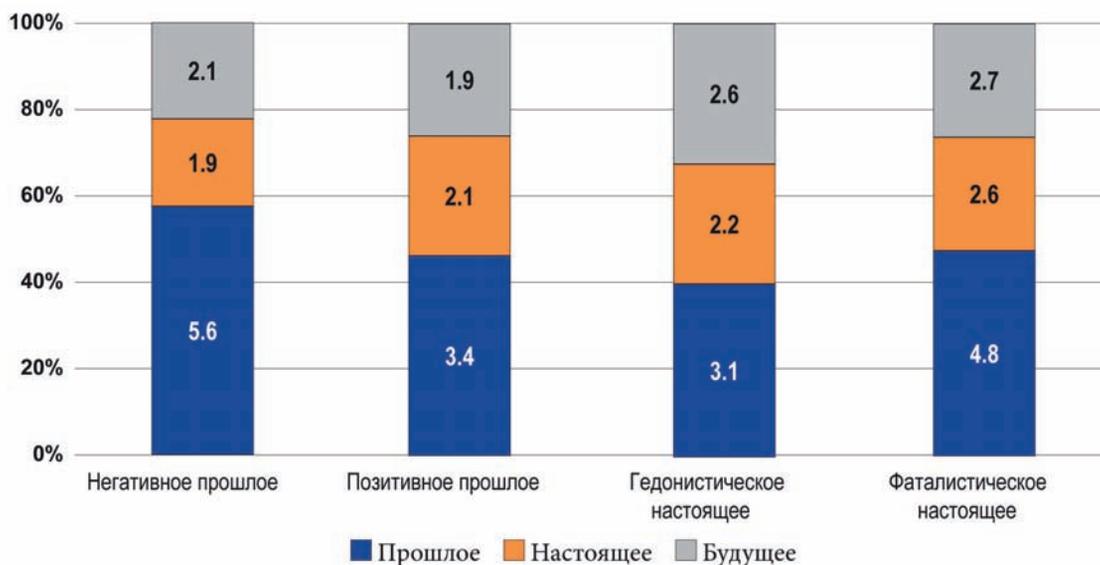

Рисунок 4

Накопительные гистограммы долевого распределения объема событийного пространства прошлого, настоящего, будущего участников боевых действий с учетом преобладающего фактора временной перспективы

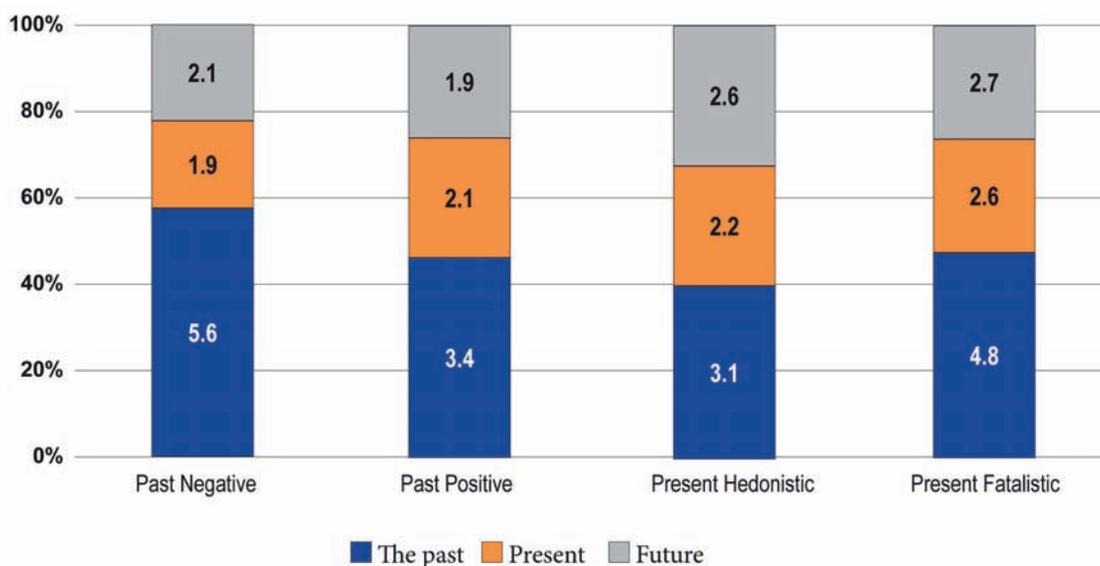

Figure 4

Cumulative histograms of the share distribution of the volume of the event space of the past, present, and future of participants in hostilities, taking into account the prevailing vector of the time perspective

Решая задачу изучения мотивационной перспективы будущего с использованием метода мотивационной индукции, в соответствии с процедурой исследования осуществлялась оценка темпорального (временного) и содержательного (мотивационного) кодов по каждой из групп участников с последующей их факторизацией.

Во всех исследовательских группах прошлое репрезентируется в границах временной перспективы прошлого преимущественно через мотивационные объекты, связанные со службой в армии, опытом участия в боевых действиях и полученным ранением. Настоящее ограничено хронологическим периодом, не превышающим двух недель, и репрезентируется в мотивационных объектах госпитализации, лечения и полученного ранения. Ранение представляет собой одну из ключевых репрезентаций, организующих поведенческую активность участников боевых действий в текущий момент времени (Рисунок 5).

Рисунок 5

Результат содержательного анализа временной перспективы участников боевых действий с учетом преобладающего фактора временной перспективы

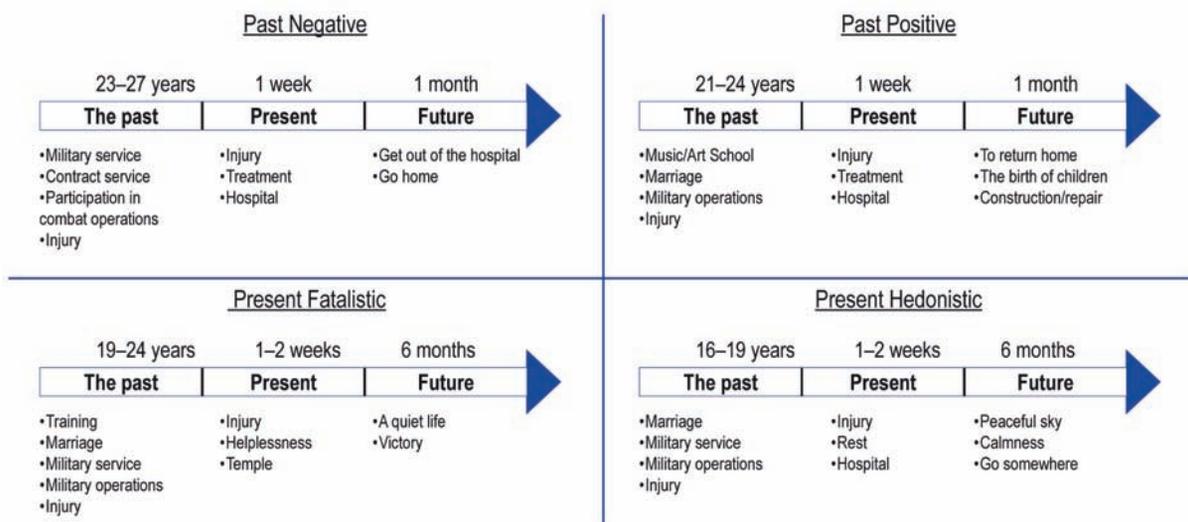

Figure 5

The result of a meaningful analysis of the time perspective of the combatants, taking into account the prevailing vector of the time perspective

При хронологической протяженности будущего до полугода в качестве репрезентативного мотивационного содержания участники боевых действий отмечают идеализированные мотивационные символы, характеризующие трансцендентные темы («мирное небо над головой», «спокойствие», «намерение изменить собственную жизнь», «быть счастливым», «просто жить»), а также отдых и созидательную активность («уехать домой», «поехать на дачу», «подняться на Эльбрус», «вернуться к семье»).

На основании результатов проведенной процедуры факторизации и их содержательного анализа для каждой группы испытуемых был сформирован усредненный структурно-мотивационный профиль временной перспективы. В процедуру факторизации включались показатели временной перспективы (хронологическая протяженность прошлого, настоящего, будущего; количество событий прошлого, настоящего, будущего; количество взаимосвязей между событиями); показатели уровня выраженности ПТСР, показатели выраженности склонности к суицидальным реакциям; количество параметров по группам темпоральных и мотивационных символов. При этом следует отметить, что содержание временной перспективы представлено в ее хронологической протяженности. В результате процедуры факторизации во всех группах испытуемых были выявлены по три фактора, соответствующие хронологическим интервалам прошлого, настоящего и будущего. При этом является закономерным, что в группах участников боевых действий с проявлениями ПТСР и с преобладающим фактором временной перспективы негативного и позитивного прошлого в качестве первого фактора с основной факторной нагрузкой является прошлое (0,871 и 0,886 соответственно). Однако данные факторы имеют содержательные различия: в группе участников боевых действий с проявлениями ПТСР с временной перспективой, ориентированной преимущественно на негативное прошлое, фактор прошлого определяется событиями, связанными со службой в армии, участием в боевых действиях и получением травм и ранений. В группе участников боевых действий с проявлениями ПТСР, чья временная перспектива в большей степени ориентирована на позитивное прошлое, фактор прошлого содержательно представлен событиями и мотивационными объектами, связанными, помимо участия в боевых действиях, с профессиональным развитием и личной жизнью. В группах участников боевых действий с проявлениями ПТСР с преобладающим фактором временной перспективы, ориентированным на настоящее (как фаталистическое, так и гедонистическое), в качестве первого фактора с основной факторной нагрузкой выступает настоящее (0,877 и 0,812 соответственно). При этом содержательное наполнение данных факторов различается: при ориентированности на фаталистическое настоящее содержание фактора настоящего сосредоточено в хронологической протяженности двух недель и наполнено событиями, связанными с ранением и госпитализацией. В группе участников боевых действий с проявлениями ПТСР, ориентированных на гедонистическое настоящее, фактор настоящего при аналогичной хронологической протяженности помимо событий, связанных с лечением и реабилитацией, включает содержание, относящееся к отдыху и досугу.

Хронологическая протяженность временной перспективы участников боевых действий не превышает 27 лет с преобладанием как в хронологическом, так и в содержательном аспектах прошлого.

Вне зависимости от преобладающего фактора временной перспективы, в качестве объектов, актуально представленных в психологической активности участников боевых действий, выступают: дом, семья и дети, мирная жизнь, спокойствие. Данные мотивационные объекты темпорально локализируются в периоде предстоящей жизни без конкретной временной привязки. На основании результатов исследования можем констатировать, что мотивационные объекты, связанные с трансцендентными темами, самореализацией и созидательной активностью, относятся либо ко всему периоду предстоящей жизни, либо к пространству, обозначаемому символом Past: «Моя заветная мечта — вернуться к семье».

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате исследования мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий установлено отсутствие факторной направленности временной перспективы на будущее. Вне зависимости от преобладающего фактора временной перспективы участников боевых действий зафиксирован высокий уровень выраженности проявлений ПТСР, за исключением группы участников боевых действий с преобладающим фактором гедонистического настоящего (средний уровень выраженности проявлений ПТСР с тенденцией к высокому).

У участников боевых действий с разными преобладающими факторами временной перспективы выявлен различный уровень выраженности эмоционально-поведенческих реакций: при ориентированности временной перспективы на прошлое (как позитивное, так и негативное) преобладают эмоциональные проявления посттравматического стрессового расстройства. В группах участников боевых действий с преобладанием вектора временной перспективы, ориентированного на настоящее (преимущественно фаталистическое) на уровне эмоционально-поведенческих реакций присутствует поведенческий аспект, проявляющийся в среднем уровне склонности к суицидальным реакциям. Преобладание в структуре временной перспективы фаталистического настоящего (высокие показатели по шкале фаталистического настоящего), согласно полученным результатам исследования, необходимо рассматривать в качестве индикатора риска суицидальных реакций.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты согласуются с данными, полученными в целом ряде работ (Яницкий и др. 2022; Авдентова, 2023; Зудова, 2024; Руденко, 2024). Авторы указывают на трансформацию событийного пространства временной перспективы личности, которая проявляется в хронологическом и содержательном сужении временной перспективы (уменьшаются хронологические границы настоящего и будущего при сокращении событийной наполненности) в условиях длительного воздействия психотравмирующих факторов, в том числе приводящих к развитию ПТСР. Также авторами фиксируется дезинтегрированность временной перспективы при высоком уровне выраженности проявлений ПТСР и тревожно-депрессивных проявлений (Никишина и др., 2024).

ВЫВОДЫ

Временная перспектива участников боевых действий может быть охарактеризована как суженная, как в хронологическом, так и в содержательном аспектах. Хронологическое сужение характеризуется преобладанием длительности прошлого при сокращении хронологического настоящего (до двух недель) и хронологического будущего (до 6 месяцев). Содержательная трансформация временной перспективы участников боевых действий касается событийной наполненности (небольшое общее количество событий с преобладанием событий прошлого, характеризующихся травмирующим содержанием и имеющих негативную эмоциональную окраску). На уровне когнитивной репрезентации мотивационных объектов временной перспективы участников боевых действий можем констатировать преобладание мотивационных объектов абстрактно-трансцендентного содержания, которые не имеют конкретной временной локализации и нечетко локализируются в периоде предстоящей жизни. Очевидно, фиксируется противоречие: при существенно ограниченной хронологической протяженности настоящего и будущего мотивационное содержание локализовано в периоде предстоящей жизни без конкретизации.

Ограничением исследования следует отметить возможность распространения полученных эмпирических результатов только для контингента мужского пола, имеющего опыт участия в боевых действиях не менее шести месяцев, а также получивших минно-взрывные и/или огнестрельные ранения. Также следует отметить необходимость анализа индивидуальной мотивационной структуры временной перспективы участников боевых действий для формирования программы психологического вмешательства и психологической коррекции, но учитывая выявленные общие тенденции.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Полученные результаты предлагаем рассматривать как терагностические мишени в оценке эффективности психотерапевтического процесса и социально-психологической адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова, К.А., Березина, Т.Н. (2001). *Время личности и время жизни*. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя».
- Авдентова, В.Б. (2023). Изменение временной перспективы у взрослого человека в стрессовых ситуациях. *Universum: психология и образование*, 1(103), 20–23.
- Головаха, Е.И., Кроник, А.А. (2008). *Психологическое время личности*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во «Смысл».
- Зимбардо, Ф., Бойд, Дж. (2010). *Парадокс времени*. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».
- Зудова, Е.А. (2024). Взаимосвязь психологической травмы и временной перспективы личности. *Инновационная наука*, (1-2), 181–186.
- Ковалев, В.И. (1995). Особенности личностной организации времени жизни. В кн.: *Гуманистические проблемы психологической теории*. Под ред. К.А. Абульхановой-Славской. (С. 179–184). Москва: Изд-во «Наука».
- Никишина, В.Б., Петраш, Е.А. (2017). Структура событийного пространства личности на разных этапах возрастного развития. *Вопросы психологии*, (3), 28–39.
- Никишина, В.Б., Петраш, Е.А., Кузнецова, А.А. (2015). Апробация методики событийной реконструкции временной перспективы личности. *Вопросы психологии*, (2), 140–148.
- Никишина, В.Б., Петраш, Е.А., Юнина-Пакулова, Н.Ю. (2024). Структурная организация событийного пространства временной перспективы личности у участников боевых действий. *Психология и право*, 14(3), 161–173.
- Нюттен, Ж. (2004). *Мотивация, действие и перспектива будущего*. Москва: Изд-во «Смысл».
- Руденко, С.В. (2023). Динамика временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*, (1), 99–106.
- Серенкова, В.Ф. (1995). Типологические особенности планирования личностного времени. В кн.: *Гуманистические проблемы психологической теории*. Под ред. К.А. Абульхановой-Славской. (С. 192–204). Москва: Изд-во «Наука».
- Тарабрина, Н.В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Юнацкевич, П.И. (1998). *Основы психолого-педагогической диагностики и коррекции суицидального поведения*. Санкт-Петербург: Изд-во Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского.
- Яницкий, М.С., Серый, А.В., Балабашук, Р.О. (2022). Хронотопические характеристики образа мира осужденных, находящихся в местах лишения свободы. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27(3(90)), 298–306.
- Cottle, T.J. (1977). *The Time of Youth. The Personal Experience of Time*. Boston: Springer US Publ.
- Folstein, M.F., Folstein, S.E., McHugh, P.R. (1975). "Mini-mental state". A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. *Journal of Psychiatric Research: journal*, 12(3), 189–198. <https://dx.doi.org/10.1016%2F0022-3956%2875%2990026-6>
- Keane, N.M., Caddell, J.M., Taylor, K.L. (1988). Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder: Three Studies in Reliability and Validity. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 56(1), 85–90. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.56.1.85>

REFERENCES

- Abulkhanova, K.A., Berezina, T.N. (2001). The time of personality and the time of life. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.)
- Avdentova, V.B. (2023). Changes in the time perspective of an adult in stressful situations. *Universum: psikhologiya i obrazovaniye = Universum: Psychology and Education*, 1(103), 20–23. (In Russ.)
- Cottle, T.J. (1977). The Time of Youth. The Personal Experience of Time. Boston: Springer US Publ.
- Folstein, M.F., Folstein, S.E., McHugh, P.R. (1975). "Mini-mental state". A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. *Journal of Psychiatric Research: journal*, 12(3), 189–198. <https://dx.doi.org/10.1016%2F0022-3956%2875%2990026-6>
- Golovakha, E.I., Kronik, A.A. (2008). Psychological time of personality (2nd ed., revised and expanded). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Keane, N.M., Caddell, J.M., Taylor, K.L. (1988). Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder: Three Studies in Reliability and Validity. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 56(1), 85–90. <https://doi.org/10.1037/0022-006X.56.1.85>
- Kovalev, V.I. (1995). Features of the personal organization of life time. In: K.A. Abulkhanova-Slavskaya, (ed.). Humanistic problems of psychological theory. (pp. 179–184). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Nikishina, V.B., Petrash, E.A. (2017). The structure of the event space of personality at different stages of age development. *Voprosy Psikhologii*, (3), 28–39. (In Russ.)
- Nikishina, V.B., Petrash, E.A., Kuznetsova, A.A. (2015). Testing the method of event reconstruction of the temporal perspective of personality. *Voprosy Psikhologii*, (2), 140–148. (In Russ.)
- Nikishina, V.B., Petrash, E.A., Unina-Pakulova, N.Yu. (2025). Structural organization of the event space of the time perspective considers the personalities of participants in military operations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 14(3), 161–173. (In Russ.)
- Nyutten, Zh. (2004). Motivation, action and future perspective. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Rudenko, S.V. (2023). Dynamics of the time perspective in an unstable military-political situation. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya = Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*, (1), 99–106. (In Russ.)
- Serenkova, V.F. (1995). Typological Features of Personal Time Planning. In: K.A. Abulkhanova-Slavskaya, (ed.). Humanistic problems of psychological theory. (pp. 192–204). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tarabrina, N.V. (2001). Workshop on the psychology of post-traumatic stress. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Yanitskii, M.S., Seryi, A.V., Balabashchuk, R.O. (2022). Chronotopic characteristics of the image of the world of convicts in freedom. *Psikhopedagogika v razlichnykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 27(3(90)), 298–306. (In Russ.)
- Yunatskevich, P.I. (1998). Fundamentals of psychological and pedagogical diagnostics and correction of suicidal behavior. Saint Petersburg: Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky Press. (In Russ.)
- Zimbardo, F., Boyd, Dzh. (2010). The time paradox. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.)
- Zudova, E.A. (2024). The relationship between psychological trauma and the temporal perspective of personality. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, (1-2), 181–186. (In Russ.)

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
ABOUT THE AUTHORS**

**Вера Борисовна
Никишина**

Vera B. Nikishina

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии, директор Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Пироговский университет), Москва, Российская Федерация, vbnikishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>

Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Head of the Department of Clinical Psychology, Director of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russian Federation, vbnikishina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2421-3652>

**Екатерина Анатольевна
Петраш**

Ekaterina A. Petrash

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической психологии, заместитель директора Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Пироговский университет), Москва, Российская Федерация, petrash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>

Dr. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Professor at the Department of Clinical Psychology, Deputy Director of the Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russian Federation, petrash@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3177-088X>

**Наталья Юрьевна
Юнина-Пакулова**

**Natalia Yu.
Yunina-Pakulova**

Ассистент кафедры клинической психологии Института клинической психологии и социальной работы Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (Пироговский университет), Москва, Российская Федерация, oststudio@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>

Assistant at the Department of Clinical Psychology, Institute of Clinical Psychology and Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov University), Moscow, Russian Federation, oststudio@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6386-7469>

Поступила 10.09.2024. Получена после доработки
12.02.2025. Принята в печать 14.03.2025.

Received 10.09.2024. Revised
12.02.2025. Accepted 14.03.2025.